

ШИГУРОВА Е. И., ГАЛЫГИНА Т. Ю.

**ДОМАШНИЙ АРЕСТ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ
ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Аннотация. На основе анализа практики применения меры пресечения в виде домашнего ареста выявлены проблемы и недостатки правового регулирования данной меры пресечения. Нередко указанная мера пресечения в отношении подозреваемых и обвиняемых применяется по инициативе суда. Однако понятия «запрет» и «ограничение» по отношению к домашнему аресту не всегда разграничиваются в судебной практике. В этой связи авторы статьи предлагают уточняющие дополнения в Уголовный кодекс РФ.

Ключевые слова: мера пресечения, домашний арест, установление ограничений, запрет на свободу общения, механизм применения домашнего ареста.

SHIGUROVA E. I., GALYGINA T. YU.

HOUSE ARREST: THEORY AND PRACTICE OF CURRENT LEGISLATION

Abstract. Considering the practice of house arrest application, the problems and shortcomings of the legal regulation of this measure of restraint are revealed. House arrest is often applied to suspects and accused persons on the initiative of court. However, the concepts of prohibition and restriction in connection to house arrest are not always differentiated in court practice. Consequently, the authors suggest some relevant specifying amendments to the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: measure of restraint, house arrest, enforcement of limitations, prohibition of freedom of communication, mechanism of house arrest application.

Институт домашнего ареста как самостоятельной меры пресечения был воссоздан в российском уголовном процессе в связи с принятием и вступлением в силу Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Домашний арест – это мера пресечения, избираемая судом при невозможности применения более мягкой меры пресечения и заключающаяся в нахождении обвиняемого (подозреваемого) в полной либо частичной изоляции от общества в жилом помещении, либо в лечебном учреждении, в котором он проживал (находился) на законных основаниях до избрания меры пресечения с одновременным наложением на обвиняемого одного или нескольких запретов (ограничений), связанных с выходом за пределы жилого помещения, в котором он проживает; общением с определенными лицами; отправкой и получением почтово-телеграфных отправлений; использованием средств связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет, за соблюдением которых осуществляют

систематический контроль должностные лица уголовно-исполнительной инспекции Федеральной службы исполнения наказания РФ.

К сожалению, законодатель при регламентации процессуального порядка применения данной меры пресечения оставил множество пробелов, а порядок исполнения домашнего ареста урегулирован в части осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста совместным приказом Минюста России № 26, МВД России № 67, СК России № 13, ФСБ России № 105, ФСКН России № 56 [1].

Анализ судебной статистики показал, что органы предварительного расследования широко используют данную меру пресечения. Например, в 2010 г. количество лиц, находящихся под домашним арестом в год составило 88 чел. [2]. Вместе с тем, рост объемов применения домашнего ареста сдерживается наличием большого числа проблем в практике его применения. Несмотря на внесенные в 2011 г. изменения, многие важные аспекты применения домашнего ареста нуждаются в совершенствовании. Так, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве остается неурегулированной процедура исполнения домашнего ареста в части контроля за соблюдением ограничений, которые не связаны с передвижением арестованного; не определена процедура отслеживания встреч обвиняемого с теми лицами, с которыми это запретил суд; отсутствует процессуальный порядок контроля за отправкой и получением почтово-телеграфных отправлений и использованием средств связи и сети Интернет, нерешенными остались вопросы, связанные с возможностью осуществления трудовой деятельности, с материальным обеспечением (продуктами питания, лекарствами) лиц, находящихся под домашним арестом и другие проблемы.

Особое внимание хотелось бы обратить на следующие проблемы применения данной меры пресечения.

В действующем законодательстве нет норм, обязывающих судью учитывать мнение лиц, проживающих в жилом помещении, при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста. На наш взгляд, нахождение в жилом помещении арестованного обвиняемого (подозреваемого) само по себе никак не ограничивает прав иных жильцов, поскольку он использует жилье точно также, как вправе был бы использовать и не находясь под домашним арестом, следовательно, согласие жильцов не является обязательным условием избрания меры пресечения в виде домашнего ареста.

Ч. 7 ст. 107 УПК РФ определяет, что может быть выбрано в качестве ограничения и (или) запрета. Ограничение отличается от запрета тем, что оно носит временный характер, а запрет налагается полностью. Как показывает анализ судебных решений об избрании

домашнего ареста суды не разграничивают термины «ограничение», «запрет» и используют их как синонимичные понятия. Например, Грязинский городской суд Липецкой области избирая меру пресечения в виде домашнего арест указывал: «С. запрещено: общаться с любыми посторонними лицами, кроме членов семьи, проживающих с ним в одной квартире» [3]. Таким образом, он фактически вводит не запрет, а ограничение права на общение с определенными лицами, но называет это запретом. А далее, перечислив всё, что запрещено, суд пишет: «Осуществление надзора за соблюдением установленных ограничений возложено ...». Таким образом, для судьи, вынесшего решение термины «запрет» и «ограничения» являются синонимами, что, на наш взгляд, расходится с текстом закона.

Более грубым нарушением является возложение на обвиняемого, к которому применяется домашний арест, запретов (ограничений), не предусмотренных ст. 107 УПК РФ. Примером такого нарушения, является решение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Дагестан, которая, избрав домашний арест в качестве меры пресечения, обязала П. «не менять без согласия СО при ОВД г. Каспийска и Каспийского городского суда место жительства и работы. Являться по первому вызову следователя в СО при ОВД г. Каспийска и в суд. Не отлучаться из дома с 19 часов вечера до 7 часов утра» [4]. Только последнее ограничение предусмотрено ст. 107 УПК РФ. Запрет изменять место работы не может возлагаться в рамках домашнего ареста, а обязанность являться по вызовам следователя не требует указания в судебном решении, т.к. закон закрепляет обязанность обвиняемого, вызванного повесткой, явиться к следователю. Судебная коллегия по уголовным делам Краснодарского краевого суда возложила на обвиняемого обязанность «не посещать увеселительные заведения» [5], видимо, спутав домашний арест с ограничением свободы (ст. 53 УК РФ).

В судебной практике встречаются и решения, в которых относительно запретов (ограничений) указания настолько неопределенные, что непонятно, как их должен выполнять обвиняемый, и контролировать исполнение сотрудник уголовно-исполнительной инспекции.

Постановлением Сарапульского городского суда Удмуртской Республики об избрании домашнего ареста обвиняемому С. предписано «не общаться с лицами, ранее судимыми, а также с лицами, являющимися членами организованных преступных групп и сообществ». Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Удмуртской Республики проверяя эту часть решения не нашла нарушений: «При принятии решения суд руководствовался положениями ст. 107 УПК РФ, в частности, в т.ч., ч.1 п. 1 указанной статьи в запрете: общаться с определенными лицами. Суд, принимая решение, определил круг таких лиц: судимые, членами ОПГ...» [6]. Мы согласны с тем, что формальных нарушений

нет, но возникает вопрос, как обеспечить исполнение судебного решения? Значит ли это, что сотрудники уголовно-исполнительной инспекции должны проверять на наличие судимости и вхождение в состав ОПГ всех лиц, кто посетит жилище обвиняемого? Механизм реализации такого требования судьи проблематичен.

Тот же недостаток, на наш взгляд, имеется и в судебном решении Судебной коллегии по уголовным делам Мурманского областного суда, которым на обвиняемого в рамках домашнего ареста возложили запрет «общаться и вести переговоры с использованием любых средств связи с участниками уголовного судопроизводства» [7]. Это требование можно реализовать, если понимать его как запрет на контакты с участниками производства по данному уголовному делу. Термин же «участник уголовного судопроизводства» слишком широкий, чтобы можно было обеспечить его соблюдение. Участником может оказаться сосед, зашедший в гости (в рассматриваемом деле не установлена строгая изоляция), почтальон и др. лица.

Нижнекамский городской суд Республики Татарстан установил подозреваемому вместе с запретом покидать свое жилище с 20 часов до 8 часов следующего дня и следующее ограничение: «в дневное время не покидать жилище более 3 раз» [8]. Если обвиняемый будет носить персональный трекер, сотрудникам уголовно-исполнительной инспекции придется ежедневно следить за количеством раз, которые обвиняемый заходил и выходил из дома.

В срок домашнего ареста должно засчитываться не только время нахождения обвиняемого (подозреваемого) под стражей, но и: 1) время задержания лица в качестве подозреваемого (ст. ст. 91-92 УПК РФ); 2) время принудительного нахождения в медицинском или психиатрическом стационаре по решению суда (ст. ст. 203 и 435 УПК РФ); 3) время содержания под стражей или домашним арестом на территории иностранного государства по запросу об оказании правовой помощи или выдаче его Российской Федерации (ст. 460 УПК РФ). Во всех вышеуказанных случаях лицо фактически лишено свободы передвижения, ограничено в реализации своих прав.

Представляется необходимым дополнить ст. 72 Уголовного кодекса РФ нормой, предусматривающей зачет времени домашнего ареста в срок уголовного наказания в виде лишения свободы. В судебной практике встречаются решения, в которых судьи, ссылаясь на «смысл закона», уже засчитывают срок содержания лица под домашним арестом в срок лишения свободы из расчета один день за один день. Однако во избежание расхождений в применении (толковании) закона, данный вопрос должен быть урегулирован в Уголовном кодексе РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений: Приказ Минюста России № 26, МВД России № 67, СК России № 13, ФСБ России № 105, ФСКН России № 56 от 11 февр. 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 25.03.2016.
2. См.: Судебная статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5>.
3. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Липецкого областного суда от 16 февр. 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-lipeckij-oblastnoj-sud-lipeckaya-oblast-s/act-03698571>.
4. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Дагестан от 9 дек. 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-dagestan-respublika-dagestan-s/act-103538666>.
5. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда от 20 июня 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-krasnodarskij-kraevoj-sud-krasnodarskij-kraj-s/act-106604365>.
6. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Удмуртской Республики от 25 авг. 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-udmurtskoj-respubliki-udmurtskaya-respublika-s/act-103846114>.
7. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Мурманского областного суда от 17 апр. 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-murmanskij-oblastnoj-sud-murmanskaya-oblast-s/act-104708331>.
8. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Татарстан от 24 авг. 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-tatarstan-respublika-tatarstan-s/act-106403725>.